
Ирина Савченко
Золото дяди Вазгена

Ирина Савченко
Золото дяди Вазгена.

https://litres.ru/74830458
SelfPub; 2026

Аннотация

Золото дяди Вазгена

На своём юбилее старый ювелир Вазген Саакян вместо тоста за здоровье взрывает тишину ресторана сенсацией: в заброшенном абрикосовом саду у подножия Арагаца зарыт фамильный клад на три миллиона.

Спокойная жизнь большой армянской семьи заканчивается. Московский айтишник Артур сдаёт обратный билет, его брат Гарик хватает металлоискатель, а властная тётя Сирануш <<генерал в фартуке>> грузит в старую «Ниву» лопаты, два ведра шашлыка и берёт командование на себя.

Вот только дед «вдруг» забывает, под каким деревом копал, из земли вылезает помятый тульский самовар, а соседу приходится врать про строительство джакузи с подогревом. Впереди героев ждут взятка долмой участковому, триумф на чужой свадьбе, обвал в подземелье, оборона сада со сковородкой и встреча с девушкой-агрономом, которая раскусит их аферу с первого взгляда.

Солнечная, громкая и добрая комедия о том, что настоящее сокровище не звенит в сундуке, а сидит за одним большим столом.

Ирина Савченко
Золото дяди Вазгена.

ГЛАВА 1. Тост на три миллиона

В ресторане «Арарат» на окраине города кондиционер работал так, словно внутри него застрял старый горный баран и теперь из последних сил бодал лопасти вентилятора. Было душно, громко и невероятно вкусно. На длинных столах, сдвинутых буквой «П», не оставалось ни одного свободного сантиметра: тарелки с горячим шашлыком из баранины стояли вторым этажом поверх блюд с запечёнными баклажанами, между бутылками коньяка прятались запотевшие графины с тархуном, а в центре возвышался трёхъярусный торт, на котором кремовыми розами было выведено: «Дорогому Вазгену — 75!» — хотя самому имениннику исполнилось семьдесят четыре, просто кондитерша тётя Роза решила накинуть год «на вырост, чтобы сто раз не переделывать».

Артур сидел в самом углу стола, зажатый между троюродным дядей Суреном, который последние сорок минут подробно объяснял, почему современный футбол умер после тысяча девятьсот восемьдесят шестого года, и своей матерью, которая каждые пять минут подкладывала ему в тарелку свежий кусок люля-кебаба со словами:

«Ешь, Артур-джан, у тебя в этой твоей Москве одни рёбра остались, на тебя ветром дунешь — ты в Ростов улетишь».

— Мам, я уже не могу, я лопну, — тихо взмолился Артур, прикрывая тарелку ладонью. — Мне завтра утром на самолёт, я в кресло не влезу.

— Влезешь, я договорилась со стюардессой, у нас там знакомая летает, — отмахнулась мать и тут же прищурилась, кивая на противоположный конец стола. — Ты лучше посмотри на своего братца Гарика. Опять в пиджаке с чужого плеча и глаза бегают. Наверняка снова у кого-то из родни денег занять хочет на свои перепелиные фермы.

Артур покосился через стол. Гарик — тридцатичетырёхлетний обладатель пышной шевелюры, ослепительной улыбки и хронических долгов перед всеми банками Южного федерального округа — действительно сидел с видом человека, который вот-вот изобретёт вечный двигатель, но ему не хватает ровно пятидесяти тысяч рублей на покупку проволоки.Во главе стола, опираясь сухими, узловатыми руками на резную трость, сидел сам виновник торжества — дед Вазген. Худой, прямой как шомпол, с густыми седыми бровями, сросшимися на переносице, и орлиным носом, он весь вечер молчал, лишь изредка пригубливая гранатовый сок и оглядывая за столом сорок пять человек своей огромной, шумной, вечно спорящей родни.Рядом с ним, как линкор на рейде, восседала его младшая сестра, тётя Сирануш. В тёмно-синем бархатном платье и с причёской, способной выдержать прямой удар града, она контролировала всё: скорость подачи горячего, громкость тамады и осанку племянников-

в.Когда тамада — потный мужчина в блестящем пиджаке — в шестой раз за вечер набрал в грудь воздуха, чтобы объявить «слово самому уважаемому аксакалу», тётя Сирануш решительно отобрала у него микрофон.

— Хватит болтать, Арсен, дай человеку сказать, а то у нас шашлык уже в подошву превратился, — громко объявила она на весь зал. — Внимание всем! Тишина за столом! Гарик, убери телефон, я вижу, что ты там под столом в карты играешь! Вазген говорить будет!

В зале мгновенно стихли разговоры. Даже музыкант у колонок прикрутил громкость синтезатора.Дед Вазген медленно поднялся. Он не взял микрофон — его сухой, скрипучий, но удивительно звонкий голос и без усилителей перекрыл гул старого кондиционера:

— Спасибо, что пришли. Все пришли. Даже те, кто третий год обещает позвонить в воскресенье и вспоминает об этом только в среду вечером, — старик бросил короткий, прищуренный взгляд прямо на Артура, отчего тот невольно втянул голову в плечи. — Мне семьдесят четыре года.Япостроил три моста, вырастил четверых детей, похоронил жену и ни у кого из вас ни разу не попросил ни копейки. А теперь слушайте внимательно, потому что повторять два раза я не буду.

В зале повисла настороженная тишина. Тётя Сирануш нахмурилась, почуяв неладное — этого текста в сценарии юбилея не было.

— В старом нашем селе в предгорьях Арагаца, в том самом абрикосовом саду, который остался нам от моего отца, старого ювелира Арутюна, — негромко, с расстановкой произнёс дед Вазген, — я тридцать лет назад зарыл фамильный кувшин. Там старые царские червонцы, серебряные пояса вашей прабабушки и золотые слитки, которые отец спрятал ещё в двадцатом году. По нынешним деньгам там миллиона три, а может, и все пять, если с умом продать.

Над столами пронёсся дружный, оглушительный вздох. Гарик так резко подался вперёд, что опрокинул локтем салатник с оливье прямо на брюки дяде Сурену, но тот даже не заметил.

— Дед, ты серьёзно?! — вырвалось у Гарика на весь ресторан. — Какие три миллиона?! Ты же говорил, что в саду только старая бочка с железками закопана!

— Мало ли что я говорил, когда вы все были сопливыми и проиграли бы всё в карты за два дня, — спокойно отрезал Вазген. — Теперь вы взрослые. У каждого ипотека, кредиты, машины в ремонте, дети в институтах. Мне на том свете золото не понадобится — там, говорят, и без него неплохо кормят. Поэтому я решил так: завтра утром мы с Сирануш едем в старый дом. Кто из вас приедет туда в субботу утром с лопатой и поможет расчистить сад — тот получит свою долю поровну. А кто останется в городе сидеть в своих компьютерах и офисах — получит от меня вот это.

Дед Вазген с поразительной для своего возраста живостью

сложил из сухих пальцев выразительную фигу и продемонстрировал её всему залу. Тётя Сирануш первой пришла в себя. Она медленно повернула голову к брату, и в её глазах зажёгся священный огонь полководца перед взятием неприступной крепости.

— Вазген, — прошипела она так, что услышали даже за соседним столиком. — Если ты сейчас пошутил, я тебя сама в этом саду закопаю вместо кувшина, понял? У меня у внука через месяц свадьба, а у нас в ресторан ещё залог не внесён!

— Не шучу, Сирануш, — невозмутимо ответил дед, садясь обратно на стул и беря бокал с гранатовым соком. — Только есть одна маленькая проблема. Сад за тридцать лет сильно зарос. И я, убей меня гром, не помню, под каким именно деревом копал — под старым абрикосом у забора или за каменной винодельней. Так что копать придётся много. За ваше здоровье, родные!

Через пять минут юбилей превратился в штаб военной операции. Никто больше не ел торт. Дядя Сурен забыл про футбол и на салфетке рисовал схему участка; Гарик уже обзванивал знакомых в поисках недорогого металлоискателя в аренду; тётя Сирануш составляла список продуктов на неделю, громко споря с невестками, сколько килограммов шеи брать на первый вечер. А Артур сидел в углу, смотрел на свой билет на утренний московский рейс в телефоне и с обречённой улыбкой понимал: ни в какую Москву он завтра не полетит. Потому что если он не поедет копать этот проклятый

абрикосовый сад, мать проклянёт его до седьмого колена, а Гарик выкопает клад в одиночку и через неделю спустит его на покупку партии страусов.

ГЛАВА 2.Семейный совет на кухне

Двухкомнатная квартира деда Вазгена в старом ереванском доме из розового туфа не была рассчитана на такое количество амбиций, квадратных метров человеческой плоти и чемоданов с остатками банкетной еды. К полуночи кухня, где при обычных обстоятельствах с трудом разворачивались двое, напоминала улей, в который по ошибке забросили дымовую шашку.На столе посредине возвышались пластиковые контейнеры с недоеденным люля-кебабом, кастрюля с остывшей долмой, три бутылки коньяка разной степени опустошённости и чудом уцелевший верхний ярус того самого торта — с розовым кремовым завитком и буквой «С», отколовшейся от слова «семьдесят». Вокруг этого продовольственного Эвереста, как полководцы над картой Бородинского сражения, склонились семеро самых близких родственников.Тётя Сирануш, сменившая бархатное платье на домашний халат в крупный пион и повязавшая голову шёлковым платком на манер пиратской банданы, уже вооружалась ручкой и толстой тетрадью в клеточку — той самой, куда обычно записывала рецепты варенья из грецких орехов и долги соседей по подъезду.

— Так, — командирским басом объявила она, с силой припечатав ладонь к столу так, что вилки подпрыгнули. —

У нас времени до утра. Пока остальные сорок человек ещё переваривают кебаб и не опомнились, мы должны всё по-честному распределить. Справедливость в семье — главное, иначе завтра вся родня приедет с экскаваторами и перероет нам не только сад, но и кладбище за селом.

— Сирануш, золотая моя, о какой справедливости ты говоришь, если мы ещё ни одной лопаты в землю не воткнули? — застонал Артур, сидя на табуретке у самого холодильника и с тоской глядя на экран смартфона, где приложение авиакомпании безжалостно напоминало, что регистрация на рейс Ереван — Москва уже открыта.

— Мы даже не знаем, есть ли там вообще этот кувшин! Может, дед пошутил, чтобы мы к нему в гости заехали, а вы уже шкуру медведя на сувениры порезали.

— Ты мне свою московскую бухгалтерию не включай, Артур-джан! — отрезала тётя Сирануш, даже не подняв глаз от тетради. — Вазген в жизни ни разу зря слова на ветер не бросил. Если он сказал — три миллиона, значит, там минимум четыре, просто он налоги заранее вычел. А теперь молчи и слушай, куда деньги пойдут.

Она облизала кончик шариковой ручки и начала записывать столбиком, громко проговаривая каждую строчку, словно зачитывала приговор:

— Первое. Моему младшему внуку, Араму, через месяц свадьбу играть. Ресторан «Арарат» — вы сами видели, люди приличные, но за зал задаток просят сто пятьдесят ты-

сяч. Это святое, без обсуждений. Второе. Сурену нужно зубы вставить — он уже третий год шашлык дёснами жуёт, стыдно перед людьми, как верблюд на водопое. Третье. Нашей Карине — закрыть ипотеку, а то она скоро в своём банке ночевать будет.

— Тётя Сирануш, а мне?! — взвился из угла Гарик. Он примостился на подоконнике, поджав под себя длинные ноги, и уже полчаса нервно крутил в пальцах брелок от старой «Нивы». — Я, между прочим, первый в бой рвусь! У меня машина, у меня опыт, у меня связи! Мне на расширение бизнеса надо!

— Какого ещё бизнеса, Гарик? — подозрительно прищурилась Сирануш поверх очков. — Твоих перепёлок, которые в прошлом году все сдохли от сквозняка, потому что ты им обогреватель забыл включить?

— Это был форс-мажор и козни конкурентов! — оскорбился Гарик, прижав руку к груди. — Сейчас у меня тема верняк, на миллион! Я хочу наладить экспорт чистого горного воздуха в банках для московских офисов. Представляешь: сидит человек в центре Москвы, в пробке, задыхается, открывает банку с надписью «Дыхание Арагаца» — и ему сразу хорошо! Себестоимость — копейка, банка жестяная, наклейка красивая, прибыль — триста процентов!

На кухне повисла тишина, нарушаемая только мерным тиканьем настенных часов с кукушкой и тихим похрапыванием дяди Сурена, который умудрился задремать, привалившись

плечом к шкафчику с крупами.Артур медленно закрыл лицо ладонями и глухо застонал.

— Гарик, скажи честно, ты это сейчас придумал или всю дорогу из ресторана в голове крутил? — спросил он сквозь пальцы.

— Брат, я над этим концептом три месяца думал! — с жаром ответил Гарик, спрыгивая с подоконника. — Просто стартового капитала не хватало. А тут — дедово золото! Выкопаем, сдадим, я сразу линию по закатке банок запущу. И тебя в долю возьму, Артур-джан, будешь мне сайт делать и рекламу в интернете настраивать.

— Я лучше сразу с балкона шаг сделаю, меньше позора будет, — пробормотал Артур.

— Никто никуда шагать не будет! — гаркнула тётя Сирануш, стукнув ручкой по столу. — Никакого воздуха в банках! Мы на эти деньги купим нормальную теплицу для огурцов и поменяем крышу в старом доме, а то там в дождь с потолка капает так, будто сам Ной заново ковчег спускает. И вообще, сначала надо доехать и выкопать. Гарик, ты металлоискатель нашёл?

— Обижаешь, тётя Сирануш! — Гарик мгновенно выпрямился, расправил плечи и гордо похлопал себя по карману пиджака. — У моего кума Ваге есть знакомый, у которого брат работает в охране на стройке. У них там профессиональный аппарат! Пищит на всё, что глубже метра. Обещал к шести утра подвезти прямо к подъезду. Правда, за аренду

просит пять тысяч и две бутылки того коньяка, что со стола остался.

— Две бутылки он получит, когда кувшин в багажник погрузим, — мгновенно отрезала Сирануш, пододвигая к себе оставшиеся на столе флаконы. — А пока пусть довольствуется одной и коробкой конфет. Нечего людей баловать.

В дверном проёме кухни бесшумно появился сам виновник ночного переполоха. Дед Вазген был в старой фланелевой пижаме в полоску и шерстяных носках поверх брюк. Он стоял, опираясь обеими руками на свою резную трость, и с таким невозмутимым интересом разглядывал ночное совещание, словно зашёл в зоопарк посмотреть, как мартышки делят связку бананов.

— Дед, ты чего не спишь? — первым заметил его Артур. — Тебе же вредно по ночам вставать, давление подскочит.

— Давление у меня подскочит, если вы до утра не угомонитесь и мне спать не дадите, — сухо ответил Вазген, окинув взглядом тетрадь в руках сестры. — Сирануш, ты там уже и мои похороны в смету вписала или только свадьбу Арама?

— Типун тебе на язык, Вазген! — всплеснула руками женщина, тут же трижды поплевав через левое плечо и постучав костяшками пальцев по деревянной хлебнице. — Чтобы ты ещё сто лет жил и нам мозги выносил! Я просто порядок навожу. Ты лучше скажи честно, пока мы тут бензин и нервы не потратили: ты точно уверен, что этот кувшин за тридцать лет никуда не уплыл? Там же в горах весной вода сходит,

грунты ползут…

Дед Вазген медленно прошёл к столу, отодвинул в сторону кастрюлю с долмой и посмотрел на каждого по очереди — сначала на суровую Сирануш, потом на замершего с открытым ртом Гарика, затем на уставшего Артура и даже на разбуженного шумом дядю Сурена, который виновато заморгал и принялся поправлять галстук, в котором так и уснул.

— Кувшин медный, запаянный свинцом, — тихо, но так веско произнёс старик, что на кухне снова стало слышно, как гудит холодильник. — Мой отец, Арутюн, такие вещи делал на века. Он в двадцатом году, когда тут всё горело и полыхало, сам его в землю опускал. А я в девяносто четвёртом только перепрятал глубже, когда по селу чужие люди шастать начали. Никуда он не уплыл. Земля своё помнит.

— А глубина какая? — тут же деловито уточнил Гарик, уже прикидывая в уме количество штыков. — Метра два?

— По пояс взрослому мужчине, — ответил Вазген и слегка прищурился, глядя на внуков. — Только вот что я вам скажу, герои. Сад там за тридцать лет так зарос дикой ежевикой и терновником, что без топора и пилы вы туда даже на два шага не войдёте. А земля после дождей — как камень. Так что если кто думает, что приедет в белых кроссовках, два раза копнёт и вернётся к обеду с мешком золота — лучше прямо сейчас ложитесь спать.

Артур посмотрел на свои новые белые кроссовки, купленные в Москве неделю назад специально под лёгкий джин-

совый пиджак. Потом перевёл взгляд на телефон. На экране мигало уведомление: «До окончания онлайн-регистрации осталось 4 часа 12 минут».Он представил, как завтра утром садится в самолёт, прилетает в серый, дождливый Шереметьево, открывает рабочий ноутбук и снова погружается в бесконечные таблицы, созвоны и отчёты, от которых у него уже месяц дёргался левый глаз. А в это время здесь, под ярким горным солнцем, Гарик с китайским металлоискателем будет копать не там, тётя Сирануш — командовать парадом, а дед Вазген — сидеть на старой скамейке под абрикосом и молча улыбаться в усы.

— Мам, — тихо сказал Артур, глядя в стол. — У тебя в шкафу старые отцовские ботинки остались? Те, которые на толстой подошве?

Мать, весь вечер не сводившая с сына тревожного взгляда, мгновенно просияла так, словно он только что объявил о защите докторской диссертации.

— И ботинки есть, и ватник твой дедовский, и две пары шерстяных носков! — с готовностью подхватила она. — Я тебе ещё с вечера в сумку всё сложила, как знала!

— Вот и отлично, — вздохнул Артур, нажал на экране телефона кнопку «Отменить бронирование» и убрал смартфон в карман. — Только чур: копаем по очереди, по полчаса. И если вместо золота мы выкопаем ржавую трубу от старого водопровода, Гарик лично оплачивает мне обратный билет в бизнес-классе.

— Брат, да я тебе личный самолёт куплю, когда мы этот кувшин поднимем! — завопил Гарик на всю квартиру, чуть не опрокинув торт.

— Тихо, ирод! — шикнула на него тётя Сирануш, гася свет на кухне и выгоняя всех в коридор. — Половина первого ночи! В пять утра подъём, в шесть выезжаем. Кто проспит — останется без доли и будет неделю посуду мыть за всей бригадой!

Квартира постепенно стихала, наполняясь скрипом раскладушек, шёпотом и тяжёлыми вздохами. Только в маленькой спальне дед Вазген, прежде чем лечь, подошёл к окну, отодвинул тюль и долго смотрел на далёкие, едва различимые в темноте очертания гор. На его сухих губах играла едва заметная, довольная улыбка старого шахматиста, который только что сделал первый ход — и вся доска пришла в движение.

ГЛАВА 3. Экспедиция на старой «Ниве».

В пять утра по ереванскому времени покой спального района был разорван так, словно во дворе начались учения бронетанковой дивизии. Виновником переполоха стал Гарик, который пригнал к подъезду свою белую, местами рыжую от боевой ржавчины «Ниву» 1998 года выпуска и, вместо того чтобы позвонить на телефон, трижды вдавил клаксон, издающий звук умирающего от астмы гуся.Из окон третьего этажа тут же высунулась тётя Сирануш в бигуди размером с гранаты и с таким выражением лица, от которого на соседней

акации замерли воробьи.

— Гарик, я сейчас тебе этот гудок в одно место засуну без наркоза! — прошипела она в утреннюю прохладу так, что с балкона напротив испуганно шарахнулся кот. — Ты весь двор поднял! Люди спят!

— Тётя Сирануш, время — деньги! — радостно заорал снизу Гарик, выпрыгивая из машины в спортивном костюме с тремя полосками, белых носках, натянутых поверх штанин, и с огромным жёлтым чемоданом в руках. — Солнце встаёт, золото остывает! Я уже и аппарат привёз, это не прибор, это космос! На нём даже кнопки на английском!

Через двадцать минут подъезд напоминал эвакуацию перед всемирным потопом. Семья грузилась в старую «Ниву» с такой тщательностью, будто они отправлялись не в часовую поездку к предгорьям Арагаца, а минимум на зимовку в Антарктиду.Главным стратегическим грузом руководила лично тётя Сирануш. В багажник — и без того забитый запасным колесом, канистрой с непонятной жидкостью, домкратом и старым ковром — она лично утрамбовала два десятилитровых пластиковых ведра с замаринованной свиной шеей, мешок картошки, три кочана капусты, упаковку лаваша размером с простыню и эмалированную кастрюлю с солёными огурцами.

— Сирануш, мы туда на один день едем или на осаду крепости? — стонал дядя Сурен, пытаясь втиснуть между вёдрами с шашлыком две совковые лопаты и лом. — У «Нивы»

задний мост сейчас на асфальт ляжет, она и так на одном честном слове держится!

— Молчи, Сурен, ты в еде ничего не понимаешь! — отрезала женщина, засовывая поверх лопат связку пучков кинзы и тархуна. — Мужчина на голодный желудок землю копать не будет — он через десять минут на лопату обопрётся и начнёт про политику рассуждать. А так почует запах угля — сразу как экскаватор заработает! И вообще, где Артур? Почему он до сих пор в квартире копается?

Артур вышел из подъезда в образе, способном довести до слёз любого московского стилиста. На нём красовались отцовские кирзовые ботинки сорок четвёртого размера, старый ватник с оторванной верхней пуговицей, спортивные штаны с вытянутыми коленями и бейсболка с надписью «Спартак — чемпион». В руках он нёс рюкзак с ноутбуком, пауэрбанком и аптечкой, набитой бинтами, йодом и таблетками от давления для деда.

— О, гляньте, наш айтишник в человека превратился! — восхищённо присвистнул Гарик, хлопая брата по плечу так, что у того клацнули зубы. — Прямо готовый инвестор! Кстати, Артур-джан, пока мы едем, я тебе одну гениальную схему расскажу. Мы когда кувшин выкопаем, мы его не в скупку понесём, мы его как антиквариат через твой интернет продадим! Сделаем аукцион, напишем, что из него сам царь Тигран пил…

— Гарик, если ты сейчас не закроешь рот и не откроешь

дверь, я тебе сам этот кувшин на голову надену, даже не откапывая, — мрачно пообещал Артур, с трудом протискиваясь на заднее сиденье, где его тут же зажали с двух сторон: слева — тётя Сирануш с трёхлитровой банкой домашнего мацони на коленях, справа — дядя Сурен с рюкзаком, из которого подозрительно торчала ручка топора.На переднее пассажирское сиденье с царским достоинством взошёл дед Вазген. Он был в своей неизменной кепке-аэродроме, суконном пиджаке с орденскими планками и с резной тростью, которую зажал между коленями как жезл фельдмаршала.

— Все на месте? — торжественно спросил Гарик, поворачивая ключ в замке зажигания. — Погнали за миллионами!

Старая «Нива» чихнула, издала звук, похожий на предсмертный кашель старого верблюда, дёрнулась вперёд и заглохла.В салоне повисла гробовая тишина.

— Гарик, — ледяным тоном произнесла тётя Сирануш, крепче прижимая к груди банку с мацони. — Я тебя предупреждала в прошлом месяце: продай это корыто и купи нормальную машину. Почему она не едет?

— Тётя Сирануш, она не не едет, она прогревается! — бодро соврал Гарик, лихорадочно качая педалью газа и бормоча себе под нос молитвы всем святым и автослесарям Еревана. — У неё характер гордый, она с утра без комплиментов не заводится! Ну, родная, давай, не позорь перед Москвой…

На четвёртой попытке мотор с оглушительным хлопком, от которого сработала сигнализация у припаркованного ря-

дом «Мерседеса», всё-таки взревел. «Нива» тряхнула всеми своими железными костями, окутала двор сизым облаком выхлопа и тронулась в путь.Первые двадцать минут, пока машина выбиралась из города на трассу в сторону Аштарака, прошли в относительном перемирии, если не считать того, что дядя Сурен каждые три минуты требовал включить радио, чтобы узнать счёт вчерашнего матча, а тётя Сирануш методично проверяла, не забыли ли соль, спички и зелень.Настоящий цирк начался, когда асфальт закончился и машина свернула на каменистую горную грунтовку, ведущую к старому селу.Дорога здесь напоминала стиральную доску, по которой недавно прошлось стадо слонов. «Нива» подпрыгивала на каждом валуне так, что Артур трижды приложился головой о потолок, несмотря на кепку, а банка с мацони на коленях тёти Сирануш подлетала в воздух, как мяч на волейбольной площадке.

— Гарик, ты дрова везёшь или родную тётку?! — взвыла Сирануш на очередной кочке, когда её пионный платок съехал на один глаз. — Объезжай ямы, ирод, у меня сейчас из мацони сливочное масло собьётся!

— Не могу объезжать, тётя Сирануш, тут слева обрыв, справа скала, а посередине — наша светлая будущность! — весело кричал Гарик, крутя руль так, словно участвовал в ралли Париж — Дакар. — Держитесь крепче, сейчас участок «Змеиный хвост» пойдёт!

На «Змеином хвосте» из жёлтого чемодана, зажатого в

ногах у Гарика, раздался тонкий, противный электронный писк: «Пи-и-и-ип!»

— О! Слышали?! — восторженно заорал Гарик, чуть не выпустив руль из рук. — Аппарат уже чувствует! Он прямо через железо чует благородный металл!

— Это он твои золотые коронки чует, балабол, или лом у меня в рюкзаке, — буркнул дядя Сурен, удерживая топор, который на очередном ухабе настойчиво пытался познакомить Артура со своим лезвием. — Ты лучше на дорогу смотри, вон впереди лужа размером с озеро Севан!

Гарик даже не притормозил. С криком «Эх, прокачу!» он направил «Ниву» прямо в центр мутной, рыжей лужи. Вода веером разлетелась в стороны, накрыв лобовое стекло сплошной грязной стеной. Дворники махнули один раз, размазали глину ровным слоем по стеклу и замерли в вертикальном положении, словно сдаваясь в плен.

— Гарик! Мы ничего не видим! — в один голос рявкнули сзади Артур и тётя Сирануш.

— Спокойно, брат, я эту дорогу с закрытыми глазами знаю! — самоуверенно заявил водитель, высовывая голову в открытое окно, как машинист паровоза, и тут же получив прямо в лицо порцию холодной грязи из-под переднего колеса. — Тьфу ты, зараза! Артур, дай салфетку, в глаз попало!

— Какие салфетки, тормози давай, мы сейчас в кусты улетим! — закричал Артур, хватаясь за спинку переднего сиденья.

Дед Вазген, всю дорогу хранивший олимпийское спокойствие и лишь крепче сжимавший свою трость, невозмутимо повернул голову к племяннику и тихо произнёс:

— Гарик, если ты сейчас разобьёшь машину до того, как мы доедем до сада, я свою долю клада отдам соседскому псу. У него хоть мозгов больше — он в лужу с разбегу не прыгает.

Угроза подействовала лучше любых тормозов. Гарик мгновенно ударил по педали, «Нива» юзом проехала ещё пару метров по скользкой глине и замерла в десяти сантиметрах от огромного замшелого валуна, украшенного выцветшей табличкой «Осторожно, крутой поворот».В салоне на секунду стало так тихо, что было слышно, как под капотом жалобно шипит тосол и где-то высоко в небе кричит орёл.Первой опомнилась тётя Сирануш. Она медленно опустила банку с мацони на колени, поправила платок, вытащила из кармана халата влажную салфетку и с размаху шлёпнула её прямо на чумазое лицо Гарика.

— Вытирайся, шумахер, — устало сказала она. — И слава богу, что я валидол в передний карман положила. Артур-джан, вылезай, протри стекло водой из бутылки, а то твой братец нас сейчас прямо в рай отвезёт, минуя клад.

Артур с облегчением выбрался из душного салона на свежий горный воздух. После ереванской духоты и запаха бензина здесь дышалось так легко, что у него даже закружилась голова. Вокруг расстилались зелёные склоны, пахнущие чабрецом, нагретым камнем и дикой мятой, а вдалеке, в лёг-

кой утренней дымке, величественно поднималась двуглавая вершина Арагаца.

— Ну, что встал, как турист на экскурсии? — скомандовал дед Вазген, выбираясь из машины с неожиданной для его лет лёгкостью и опираясь на трость. — До села два километра осталось. Поехали, а то солнце высоко поднимется — земля совсем как кирпич станет.

Через пятнадцать минут, преодолев последний подъём на первой передаче с таким рёвом мотора, будто «Нива» штурмовала Эверест, экспедиция наконец свернула на узкую деревенскую улочку.Здесь время словно остановилось лет сорок назад. Вдоль дороги тянулись невысокие заборы из дикого камня, из-за которых свешивались ветви старых шелковиц и орешников; у калиток грелись на солнце рыжие собаки, лениво приоткрывая один глаз при виде чужой машины, а из труб нескольких домов уже вился сизый дымок — хозяйки пекли утренний лаваш.

— Вот он, — тихо сказал дед Вазген, указывая тростью на покосившиеся деревянные ворота в самом конце улицы, за которыми угадывались густые, непролазные заросли старых деревьев и высокая, выгоревшая на солнце крыша двухэтажного каменного дома. — Родовое гнездо.

«Нива» с победным чихом замерла у ворот. Первым из машины вылетел Гарик. Он даже не стал отряхивать заляпанные грязью спортивные штаны — тут же рванул багажник, выхватил свой жёлтый чемодан с металлоискателем, прижал

его к груди, как автомат Калашникова, и торжественно провозгласил на всю улицу:

— Ну что, родственники, запоминайте эту минуту! Сегодня мы зашли сюда простыми людьми, а выйдем — миллионерами!

— Ты сначала ворота открой, миллионер, — осадила его тётя Сирануш, выгружая из багажника ведро с шашлыком и оглядывая заросший, дикий участок через щель в досках. — И смотри под ноги, тут крапива в человеческий рост, а мне тебя потом от волдырей лечить некогда. У нас впереди три миллиона кубометров земли!

ГЛАВА 4. Сад упрямых абрикосов.

Деревянные ворота родового гнезда сопротивлялись вторжению наследников так, словно за ними хранилась не семейная реликвия, а минимум золотой запас Швейцарии. Ржавый засов намертво прикипел к скобе, а снизу створки намертво заклинило вросшим в землю лопухом толщиной с руку.

— Дай сюда, сейчас я как терминатор! — воодушевлённо крикнул Гарик, передавая жёлтый чемодан с металлоискателем Артуру и с разбегу наваливаясь на доски могучим плечом.Раздался оглушительный треск, из щелей посыпалась труха, ворота жалобно взвизгнули и распахнулись внутрь. Гарик, не рассчитавший инерцию, с победным воплем «Ура!» влетел во двор, зацепился белым носком за корень дикого шиповника и картинно растянулся носом в за-

рослях лебеды.

— С прибытием, миллионер, — флегматично прокомментировал Артур, переступая через распластанного брата. — Землю уже поцеловал, осталось её просеять.

Двор и примыкающий к нему сад представляли собой картину, от которой у любого ландшафтного дизайнера случился бы инфаркт, а у ботаника — научный экстаз. За тридцать лет, пока сюда наведывались лишь изредка, природа взяла реванш по полной программе. Старые абрикосовые деревья разрослись так густо, что их переплетённые ветви образовали над землёй сплошной зелёный шатёр; внизу буйствовали дикая ежевика с шипами размером с рыболовный крючок, крапива по грудь, полынь и какие-то неведомые колючие кусты, вцепившиеся в стены двухэтажного дома из тёмного туфа.Тётя Сирануш поставила вёдра с шашлыком на каменное крыльцо, упёрла руки в бока и окинула владения взглядом полководца, которому вместо обещанного плацдарма выдали непроходимые джунгли Амазонки.

— Вазген, — медленно произнесла она, поворачиваясь к брату. — Я, конечно, всё понимаю: природа, экология, свежий воздух… Но ты нам вчера в ресторане говорил про сад, а привёз нас в партизанский лес! Здесь же без огнемёта шагу не ступишь!

Дед Вазген неторопливо прошёл в центр двора, постучал тростью по замшелой каменной плите возле старого колодца, снял кепку-аэродром и вытер лоб клетчатым платком. На его

лице читалось глубокое, искреннее недоумение.

— Странно, — задумчиво пробормотал старик, щурясь на густые кроны деревьев. — В девяносто четвёртом году деревья были совсем маленькие. Тонкие, как прутики. Я ещё помню: вот тут стоял старый абрикос, кривой такой, у него ствол раздваивался…

— Ну и где он? — хором спросили Гарик, уже успевший отряхнуться от лебеды, и дядя Сурен, державший наперевес топор. Дед Вазген обвёл тростью по кругу, словно дирижёр перед оркестром.

— Так они теперь все кривые и все раздваиваются! — с обезоруживающей простотой развёл руками старик. — Разрослись, черти. Тридцать лет прошло, я же не агроном, чтобы каждое дерево в лицо помнить! Я помню только ориентир: от угла каменной винодельни — двенадцать шагов на юг, и там, под старым абрикосом, прямо между корнями…

— Дед, где тут юг?! — взвыл Артур, оглядываясь на глухую зелёную стену, сквозь которую даже солнце пробивалось узкими полосками. — У нас ни компаса, ни карты! И винодельня твоя вся плющом заросла так, что непонятно, где у неё угол, а где дымоход!

— Зачем нам компас, когда у нас есть наука и техника?! — бодро встрял Гарик, раскрывая свой жёлтый чемодан с такой торжественностью, будто доставал из него ядерный чемоданчик. — Сейчас я соберу «Гарретт», включу режим «Только золото и царские червонцы», и он нам за десять ми-

нут весь сад просканирует! Брат, засекай время!

Через пять минут, в течение которых Гарик успел перепутать верхнюю штангу с нижней, уронить блок управления в крапиву и трижды выругаться на английских инженеров, прибор наконец был собран. Выглядел он внушительно — чёрная штанга, круглая катушка на конце и маленький экранчик с кнопками.

— Внимание, отойдите на пять метров, чтобы ваши пряжки на ремнях и пломбы в зубах не сбивали частоту! — скомандовал Гарик, нажимая кнопку включения.

Прибор радостно пискнул и мигнул зелёным огоньком. Гарик с видом сапёра на минном поле сделал первый шаг в сторону ближнего абрикоса, плавно ведя катушкой над густой травой.«Пи-и-и-ип!» — истошно завопил металлоискатель на первой же секунде.Гарик замер, как охотничий сеттер, сделавший стойку на перепела. Глаза его округлились до размеров пятирублёвых монет.

— Есть! — шёпотом, полным священного ужаса, выдохнул он. — Тётя Сирануш, тащи мешок! Прямо с первого шага! Вот что значит интуиция! Сурен, руби корень, я нашёл!

Дядя Сурен, недолго думая, плюнул на ладони, размахнулся топором и с молодецким кряканьем рубанул по земле в том месте, куда указывала катушка. Раздался оглушительный металлический звон, из-под лезвия брызнули искры, а Сурен от неожиданности сел прямо в полынь, выронив топорище.

— Золото звонкое! — восторженно заорал Гарик, падая на колени и начиная разгребать землю голыми руками. — Слышите, какой чистый тон?! Это червонцы! Я чувствую!

Артур подошёл ближе, нагнулся над ямкой и через десять секунд вытащил из земли покрытый вековой ржавчиной кусок рельсы от узкоколейки, неизвестно каким ветром занесённый в сад в прошлом веке.

— Поздравляю, брат, — с каменным лицом произнёс Артур, взвешивая находку на ладони. — Если сдадим на металлолом, как раз хватит на две бутылки тархуна. Твой «Гарретт» настроен не на золото, а на всё, что тяжелее гвоздя.

— Это помехи от магнитных бурь! — ничуть не смутился Гарик, вытирая грязные руки о спортивные штаны. — Сейчас я чувствительность убавлю!

Следующие сорок минут сад напоминал поле боя после артподготовки. Гарик метался между деревьями, как электровеник, размахивая катушкой; металлоискатель пищал каждые три метра; дядя Сурен с обречённым видом махал совковой лопатой, а тётя Сирануш стояла на крыльце с секундомером в телефоне и громко руководила процессом.

— Левее бери, Гарик, левее! Там земля мягче! — кричала она. — Сурен, ты не в ту сторону землю кидаешь, ты прямо на мои кабачки насыпаешь! Артур, что ты стоишь как столб на границе? Иди руби ежевику, а то мы к обеду даже до винодельни не дойдём!

К полудню трофеи экспедиции, аккуратно выложенные

тётей Сирануш на старую мешковину возле крыльца, включали в себя: три ржавые консервные банки из-под кильки в томатном соусе, алюминиевую ложку с отломанной ручкой, велосипедную цепь, половину чугунного утюга и загадочную шестерёнку от трактора «Беларусь». Золотом в саду не пахло — пахло только свежей землёй, раздавленной мятой и нарастающим раздражением.

— Всё, я больше не могу, у меня спина как деревянная доска, — взмолился дядя Сурен, опираясь на черенок лопаты и вытирая пот со лба рукавом рубашки. — Вазген, признавайся честно, пока я ещё добрый: ты этот кувшин точно здесь закапывал, а не на соседней улице?

Дед Вазген, который всё это время мирно сидел в тени на перевёрнутом деревянном ящике и потягивал гранатовый сок из термоса, невозмутимо пожал плечами.

— Я же сказал: двенадцать шагов от угла винодельни. А вы крутитесь возле забора, где дед Ашот в восьмидесятом году трактор чинил. Вы ещё спасибо скажите, что карбюратор от него не выкопали.

— Так где этот угол?! — взорвался Гарик, с размаху воткнув катушку металлоискателя в землю так, что тот обиженно пискнул и погас. — Тут до этой винодельни пять метров колючек! Мы до вечера будем только кусты рубить!

— А мы сейчас не будем кусты рубить, — громогласно объявила тётя Сирануш, спускаясь с крыльца с видом человека, принявшего единственно верное стратегическое реше-

ние. — Мы сейчас будем разводить мангал! Потому что на пустой желудок даже крот землю рыть не станет. Артур, тащи сухие ветки! Гарик, доставай шампуры! А ты, Вазген, иди сюда, садись рядом и вспоминай, с какой стороны у твоей винодельни дверь была, а с какой — окно, иначе я тебе вместо шашлыка варёную морковку дам!

ГЛАВА 5. Первый штык.

После второго захода шашлыка из свиной шеи, запечённых на углях баклажанов и литра домашнего мацони боевой дух экспедиции совершил резкий разворот от «всё пропало, расходимся» до «сейчас мы этот сад насквозь до Австралии прокопаем».Даже дядя Сурен, который полчаса назад клялся, что его позвоночник рассыпался в труху, теперь расхаживал по двору с таким видом, словно собирался в одиночку выкорчевать вековой дуб. Тётя Сирануш, повязав поверх пионного платка ещё и кухонное полотенце от солнца, лично выдала каждому инвентарь и назначила сектор обстрела.

— Так, бойцы, — объявила она, прихлёбывая горячий чай с чабрецом из походной кружки. — Хватит бегать по огороду, как бездомные собаки. Вазген, пока я добрая и шашлык ещё тёплый, показывай пальцем, где у твоей винодельни угол. Не попадёшь с первого раза — на ужин будешь одну кинзу жевать.

Дед Вазген, с аппетитом доедавший третий кусок мяса прямо с шампура, невозмутимо вытер усы салфеткой, поднялся со своего ящика и неторопливо двинулся в глубь за-

рослей, опираясь на резную трость. За ним, как катер за ледоколом, потянулась вся бригада: впереди с топором и секатором шёл Артур, за ним — Гарик с реанимированным после удара об землю металлоискателем, а замыкал процессию дядя Сурен с двумя совковыми лопатами наперевес.Прорубаться через дикую ежевику оказалось делом не для слабонервных. Колючие плети цеплялись за штаны, царапали руки и пружинили так, что отрубленная ветка норовила хлестнуть прямо по лбу.

— Осторожнее, брат, лицо не поцарапай! — кричал сзади Гарик, прикрывая голову жёлтым чемоданом. — У меня через неделю фотосессия для каталога мужских костюмов, мне шрамы не по статусу!

— Какой ещё каталог, Гарик?! — фыркнул Артур, с треском перерубая толстый стебель шиповника. — Ты же вчера говорил, что будешь горный воздух в банки закатывать!

— Одно другому не мешает, Артур-джан! — ничуть не смутился брат. — Лицо бренда должно быть безупречным! Представляешь: на этикетке банки — я в смокинге, на фоне Арагаца, и надпись: «Вдохни успех с Гариком»! Московские бизнесмены с руками оторвут!

— Если ты сейчас не замолчишь, я тебе на лице другой бренд нарисую, — буркнул дядя Сурен, у которого очередная ветка ежевики только что стянула кепку прямо в куст крапивы.

Наконец, спустя двадцать минут ожесточённой борьбы с

ботаникой, экспедиция упёрлась в глухую стену из тёмного, покрытого мхом туфа. Это и была старая каменная винодельня. Её деревянная дверь давно покосилась и вросла в землю, а массивный угол, сложенный из тёсаных блоков, уходил прямо в тень огромного, раскидистого абрикосового дерева с толстым, узловатым стволом.Дед Вазген остановился, прищурился, оглядел стену, потом перевёл взгляд на дерево и победно стукнул тростью о землю.

— Вот! — торжественно произнёс он. — Узнаю! Вон там, под карнизом, я ещё в шестьдесят пятом году ласточкино гнездо видел. От этого угла — ровно двенадцать моих шагов на юг.

— Дед, у тебя шаг в шестьдесят пятом году был как у оленя, а сейчас как у пингвина! — резонно заметил Артур, доставая из кармана смартфон и открывая приложение компаса. — Давай я по-научному отмерю. Юг у нас вон там, строго в сторону того старого пня. Двенадцать стандартных шагов — это примерно девять метров.

Он отмерил девять метров в глубь густой травы под кроной старого абрикоса и воткнул в землю колышек.

— Гарик, твой выход, — скомандовал Артур. — Только включи нормальный режим, без поиска космического мусора.

Гарик, мгновенно забыв про фотосессию и смокинги, нацепил наушники, выставил на экране прибора максимальную дискриминацию железа и с видом сапёра, размини-

рующего Рейхстаг, поднёс катушку к колышку.Первые три секунды прибор молчал. Гарик затаил дыхание.На четвёртой секунде в наушниках раздался не просто писк — там зазвучал настоящий симфонический оркестр. На маленьком экранчике стрелка шкалы проводимости резко прыгнула вправо, в сектор цветных металлов, и замигала крупная надпись: «SILVER / GOLD».Гарик побледнел, медленно снял наушники и посмотрел на родственников глазами человека, который только что увидел живого динозавра.

— Тётя Сирануш… — хрипло прошептал он. — Дед… Там… там не просто писк. Там такой сигнал, будто под землёй танк из чистого золота закопан! Артур, глянь на экран! Там написано «ГОЛД»!

— Дай сюда! — Артур выхватил прибор, всмотрелся в дисплей и невольно присвистнул. — Не знаю насчёт золота, но объект там действительно крупный, цветной металл, глубина — сантиметров семьдесят. Неужели не соврал?

Тётя Сирануш, услышав магическое слово «голд», преодолела пять метров колючих зарослей с грацией и скоростью бронетранспортёра, даже не заметив, что оставила на шиповнике кусок подола своего халата.

— Сурен, Артур, чего встали как статуи в музее?! — рявкнула она на весь сад. — Лопаты в руки и копать! Гарик, отойди в сторону, ты всё равно только землю мять умеешь, иди лучше воды принеси, чтобы золото сразу обмыть!

Закипела работа, какой этот тихий горный уголок не ви-

дел со времён постройки Еревана. Артур и дядя Сурен вгрызались в плотную, слежавшуюся землю с таким остервенением, словно от скорости копки зависела судьба человечества. Земля действительно была твердой, переплетённой мелкими корнями, но азарт гнал усталость прочь.На глубине полуметра лопата дяди Сурена глухо звякнула обо что-то твёрдое и выпуклое.

— Есть! — выдохнул Сурен, едва не выронив черенок. — Не камень! Звук глухой, пустотелый!

— Аккуратнее, Сурен, не проткни! — взвизгнула тётя Сирануш, падая на колени прямо на край ямы в своём выходном халате. — Там же царские червонцы, если ты монету пополам разрубишь, её в банке по курсу не примут! Артур, руками разгребай, руками!

Артур опустился в яму на корточки и принялся осторожно счищать влажные комья земли с тёмного, окислившегося металла. Показался округлый бок, затем изогнутая ручка, потом какая-то странная крышка с деревянными шишечками…

— Ого, какой кувшин фигурный! — восхищённо прошептал Гарик, свесившись над ямой так, что едва не свалился Артуру на голову. — Дед, да это же античная амфора! Музейная вещь!

Артур ухватился за бока находки, с усилием раскачал её в плотной глине, крякнул и выволок на край ямы.Вся семья, затаив дыхание, уставилась на трофей.На траве, облеплен-

ный комьями земли и обрывками корней, лежал большой, позеленевший от времени, но вполне узнаваемый тульский медный самовар на два ведра — без трубы, с помятым боком и оторванным краником.В саду повисла такая мёртвая, звенящая тишина, что было слышно, как в трёхстах метрах на соседнем участке прокукарекал петух.Гарик медленно моргнул. Потом перевёл взгляд на металлоискатель, который всё ещё радостно мигал надписью «GOLD», и сдавленным голосом спросил:

— Артур… а это точно не кувшин? Может, это такой древнеармянский кувшин с краником?

— Да, Гарик, — ледяным тоном ответил Артур, стягивая грязные перчатки и швыряя их в яму. — Времён царя Тиграна. Специально для заваривания горного воздуха в банках.

Тётя Сирануш медленно поднялась с колен, отряхнула юбку, повернула голову к деду Вазгену и сузила глаза так, что они превратились в две узкие щёлочки.

— Вазген, — тихо, но с такой убийственной интонацией произнесла она, что у дяди Сурена сами собой зашевелились волосы под кепкой. — Я тебя вчера предупреждала: если это розыгрыш, я тебя в этой яме лично закопаю. Откуда здесь самовар?!

Дед Вазген подошёл к яме, нагнулся, постучал концом трости по зелёному боку самовара и искренне расхохотался — сухим, скрипучим, но удивительно весёлым смехом.

— Так вот куда его моя покойная тёща в восемьдесят вто-

ром году спрятала! — радостно воскликнул старик. — Она всё боялась, что я его на охоту заберу и там пропью! А вы, балбесы, кричите — «кувшин, кувшин»! У самовара бок пустой, а мой кувшин свинцом запаян, он тяжёлый, как гиря!

— И где же он тогда, твой тяжёлый?! — взревел Гарик, хватаясь за голову. — Мы уже полсада перепахали!

Дед Вазген огляделся, приложил ладонь козырьком к глазам, посмотрел на солнце и с обезоруживающим спокойствием развёл руками:

— Погоди… А ведь солнце-то сейчас с другой стороны светит! Артур, твой телефон-компас в этих кустах врёт, как радио по утрам! Юг-то не там, а вон там, за старой бочкой! И шагать надо было не от этого угла, а от того, где дверь!

Дядя Сурен молча поднял лопату, посмотрел на деда Вазгена, потом на помятый самовар и глубоко, философски вздохнул:

— Сирануш, доставай ещё шашлык. Чувствую, мы тут до второго пришествия копать будем.

ГЛАВА 6. Соседский интерес.

Не успел дядя Сурен сделать первый шаг в сторону мангала, как из-за невысокого забора из дикого камня, отделявшего родовой сад от соседнего участка, послышалось подозрительное покашливание, сопровождаемое тихим шелестом шелковицы.Через секунду поверх замшелых валунов возникла седая кудлатая голова в выгоревшей соломенной шляпе, а следом за ней — пара невероятно живых, цепких

глаз, способных разглядеть, сколько соли хозяйка положила в суп на другом конце села.

— Эй, Вазген-джан! Это ты, что ли, в родные пенаты пожаловал, или в моём саду кабаны завелись?! — раздался бодрый, скрипучий голос, от которого Гарик от неожиданности подпрыгнул на месте и выронил металлоискатель прямо в яму с самоваром.

Дед Вазген поморщился так, словно раскусил незрелый лимон, но тут же нацепил на лицо самую радушную улыбку в своём арсенале.

— Ашот! Дорогой сосед! Живой ещё, курилка? А я думал, тебя твоя бабка уже давно в музей сдала, как самый старый экспонат на улице!

— Не дождёшься, Вазген, я ещё на твоих поминках танцевать буду! — весело отозвался дядя Ашот, ловко подтягиваясь на руках и усаживаясь верхом на забор с грацией старого горного козла. Он оглядел перепаханную землю, разбросанные лопаты, торчащий из ямы зелёный бок самовара и перепачканную глиной родню. Глаза соседа мгновенно сузились до размеров бусинок. — А вы это чего тут затеяли? Нефть нашли или метро из Еревана тянете? Вроде для картошки поздно, для погреба — место сырое, там у тебя по весне вода стоит…

В саду повисла напряжённая пауза. Артур замер с топором в руке, дядя Сурен принялся усиленно разглядывать облака, а тётя Сирануш так выразительно зыркнула на племян-

ников, что в её взгляде ясно читалось: «Скажете хоть слово про золото — обоих этим самоваром прибью».Положение спас Гарик. Его авантюрный мозг, натренированный годами объяснений с банковскими коллекторами, сработал быстрее любого суперкомпьютера.

— Дядя Ашот, приветствую! Какая нефть, о чём вы говорите?! — с ослепительной улыбкой шагнул вперёд Гарик, картинно раскинув руки, словно телеведущий на открытии олимпийского стадиона. — Это у нас оздоровительный проект! Бассейн с подогревом строим! Специально для тёти Сирануш! Врачи в Москве сказали: ей без плавания на свежем горном воздухе никак нельзя, суставы требуют гидромассажа!

Дядя Ашот медленно снял соломенную шляпу, почесал затылок и с глубочайшим недоверием перевёл взгляд с Гарика на тётю Сирануш, которая в этот момент стояла по щиколотку в грязи с оторванным подолом халата и зловеще сжимала в руке половник.

— Бассейн? — переспросил сосед, прищурившись. — В абрикосовом саду? Под самыми корнями?

— Так в этом и вся фишка, дядя Ашот! — не моргнув глазом подхватил Гарик, вдохновляясь собственной ложью. — Эко-дизайн! По последнему слову швейцарских технологий! Плывёшь себе в тёплой водичке, руку протянул — прямо с ветки спелый абрикос сорвал! Никакой хлорки, сплошная ароматерапия! А самовар этот… — Гарик небрежно пнул

ногой торчащую из ямы медную реликвию, — это мы как раз старую систему нагрева тестируем! На дровах! Чтобы за электричество не переплачивать!

Артур, стоявший за спиной брата, закусил губу до боли, чтобы не расхохотаться в голос, и уткнулся лбом в ствол ближайшего дерева. Дядя Сурен закашлялся так сильно, что ему пришлось присесть на ящик, а дед Вазген с невозмутимым видом кивнул, подтверждая каждое слово внука.

— Да-да, Ашот, всё по науке, — важно сказал старик. — Внук из Москвы приехал, он там в этих… в компьютерах главный начальник. Сказал: «Дед, без джакузи под абрикосами жизнь не жизнь». Вот, роем чашу.

Дядя Ашот долго молчал, переводя взгляд с кривой ямы, напоминающей воронку от авиабомбы, на помятый тульский самовар и обратно на тётю Сирануш.

— Ну-ну, — протянул он с явным скепсисом, нахлобучивая шляпу обратно на кудлатую голову. — Только вы когда джакузи своё зальёте, смотрите, чтобы вода ко мне в подвал не пошла, а то у меня там три бочки прошлогоднего тутового вина стоят. Если испортите — я с вас за каждую каплю спрошу как за коньяк пятизвёздочный! И вообще… странный у вас бассейн. Обычно люди с краю участка роют, где солнца больше, а вы в самую тень залезли, да ещё с такой штукой… — сосед кивнул на жёлтый металлоискатель, валявшийся в траве. — Это у вас, наверное, уровень, чтобы дно ровное было?

— Лазерный нивелир последнего поколения! — мгновенно отчеканил Гарик. — Из Германии по спецзаказу везли!

— Ага, вижу, что из Германии, на нём по-английски написано и изолентой синей ручка перемотана, — ехидно хмыкнул дядя Ашот, спрыгивая со своего наблюдательного поста обратно в свой двор. — Ну, бог в помощь, строители! Если что, заходите вечерком на чачу, обсудим ваш… гидромассаж!

Голова соседа скрылась за забором, но ещё пару минут оттуда доносилось тихое, сдавленное хихиканье и шарканье тапок, уходящих в сторону дома.Как только калитка на соседнем участке хлопнула, тётя Сирануш медленно повернулась к Гарику.

— Бассейн с подогревом? — тихо переспросила она. — На самоваре? Для моих суставов?

— Тётя Сирануш, ну а что я должен был сказать?! — развёл руками Гарик, искренне обидевшись. — Что мы тут царские червонцы ищем, чтобы через десять минут вся деревня с лопатами через этот забор перелезла?! Я нас спас! Теперь пусть думает, что мы просто городские сумасшедшие с причудами!

— Да уж, после такого объяснения он в этом даже не усомнится, — мрачно пробормотал Артур, поднимая с земли металлоискатель и отряхивая его от глины. — Через час всё село будет знать, что к Вазгену приехали родственники из Москвы строить аквапарк в кустах. А к вечеру сюда придут

все местные зеваки смотреть, как ты в самоваре воду кипятить будешь.

— Пусть приходят, — философски заметила тётя Сирануш, убирая половник и подбочениваясь. — Заодно покажем им, как армянская семья трудится. Так, хватит языками чесать! Ашот ушёл, время пошло. Вазген, показывай свой новый «юг» за старой бочкой, пока солнце совсем не село, а то нам сегодня ещё этот бассейн обратно закапывать придётся, чтобы перед людьми не позориться!

ГЛАВА 7. Спор из-за шашлыка и принципов.

К вечеру родовой сад напоминал место недавнего приземления метеоритного дождя. После того как дед Вазген трижды менял показания насчёт того, с какой стороны от винодельни тридцать лет назад светило солнце, экспедиция успела вырыть ещё четыре внушительные ямы, перерубить дюжину толстых корней и добыть из недр земли ржавую подкову, крышку от бидона и загадочную стеклянную банку с закатанным внутри засохшим веником из полыни. Золотой кувшин продолжал хранить гордое инкогнито.Когда солнце опустилось за вершину Арагаца, окрасив горные склоны в густой лиловый цвет, а в траве завели свою бесконечную симфонию цикады, тётя Сирануш объявила перемирие.Посреди двора, на расчищенной от лебеды площадке, трещал костёр в сложенном из кирпичей мангале. На длинном деревянном столе, сколоченном ещё прадедом, высилась гора горячего лаваша, миска с крупно нарезанными розовыми по-

мидорами, зелёный лук, пучки кинзы и блюдо с только что снятым с углей шашлыком, от которого по всему саду плыл такой аромат, что даже бродячие собаки за забором притихли и принялись громко сглатывать слюну.

— Ешьте, пока горячее, — скомандовала тётя Сирануш, усаживаясь во главе стола на табуретку, застеленную старым пледом. — Завтра с утра начнём с другой стороны дома копать. Вазген, ты за ночь хорошо подумай, вспомни, может, ты этот кувшин вообще в подвале замуровал, а мы тут зря червяков пугаем.

— В саду он, Сирануш, в саду, — упрямо буркнул дед Вазген, аккуратно снимая вилкой кусок мяса с шампура. — Просто деревья разрослись, всё перемешалось. Ничего, земля любит терпеливых.

— Терпеливых она любит, дед, а у меня в понедельник в девять утра совещание с заказчиком, — устало отозвался Артур, потирая ноющую поясницу и глядя на свои некогда белые кроссовки, которые теперь по цвету и фактуре больше напоминали два куска застывшей глины. — Мы за целый день перекопали полсотки, нашли самовар и подкову. Давайте посмотрим правде в глаза: без нормальной георадарной съёмки или хотя бы точного плана участка мы тут до Нового года будем кротов смешить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.